

Он, прихрамывая, обошёл спальное место на полу и вполз обратно на кан, устремив взгляд в непроглядную темень глубокой ночи, в то время как в ушах раздавалось ровное, размеренное дыхание молодого человека.

Маленький Дань Чао закрыл глаза и, полный тревоги, настороженности и непреодолимой усталости, вскоре провалился в тёмные глубины сна.

*

Раны на теле день ото дня заживали, затягивались, покрывались струпьями, по краям образуя белесые шрамы.

Дань Чао всё ждал того дня, когда его позовут работать, однако этого не происходило.

Молодой человек уходил рано утром, ездил верхом, охотился, на окраине великой пустыни, в обветшалом базаре, где собирались кочевники, обменивал кое-что, приносил лепёшки и соль. Иногда в свёртке оказывалось немного овечьего молока и вяленой солонины, но сам он почти не прикасался к этому, словно не любил тот приторный запах.

Он вырезал из костей животных различные безделушки, и однажды Дань Чао увидел у окна висящий серо-белый, с желтизной, высохший коготь, осторожно потрогав его, спросил:

— Что это?

Молодой человек, откинув занавеску, вошёл в дом, снял со спины длинный лук и колчан со стрелами, не поднимая головы.

— Орлиный.

Дань Чао видел орлов.

Орлы расправляли крепкие крылья, пронзая, словно стрелы, лазурное небо, улета в неизведанную даль, пока в его глазах не оставалась лишь маленькая чёрная точка.

Он украдкой снял тот орлиный коготь и повесил себе на шею, спрятав под одеждой, прижав к груди.

Молодой человек, возможно, не заметил, а может, заметил, но не придал значения. За ужином его взгляд скользнул по пустому оконному переплёту, но он ничего не сказал.

Той глубокой ночью Дань Чао снова тайком выскользнул из дома, стоял во дворике, встречая ветер, завывавший из глубин пустыни. В тощей грудной клетке мальчишки сердце бухало, он прижал руку к груди, твёрдый орлиный коготь упирался в ладонь.

Он колебался долго-долго, вдали под луной тянулись бескрайние дюны.

— Это Синьсу-3, — произнёс голос позади.

Дань Чао обернулся. Молодой человек в сероватом плаще стоял в дверях глинобитной хижины, глядя вверх на сверкающий Млечный Путь в ночном небе.

...

Дань Чао тоже поднял голову, во дворике на мгновение воцарилась тишина, лишь древнее,

неизменное звёздное море безмолвно сияло над головой.

— А та область?

— Пламя Доу-Ню.

— А те две звезды...

— Тяньшу и Яогуан.

Под звёздами лежало безмолвное песчаное море, вдали доносились блуждания и завывания волчьей стаи.

Дань Чао опустил голову, молча сжимая свою ладонь, молодой человек развернулся и толкнул скрипучую деревянную дверь.

— Иди спать, — бросил он, не оборачиваясь.

*

Тот краткий разговор глубокой ночью словно никогда и не происходил, больше о нём никто не вспоминал. Дань Чао осторожно и настороженно продолжал наблюдать, подобно волчонку, израненному и преисполненному подозрительности, однако больше не мог разглядеть ни малейшей эмоции на спокойном лице молодого человека под маской.

Молодой человек заботился о Дань Чао — формально, холодно, отстранённо. Кормил, поил, не вмешивался, не расспрашивал, редко открывал рот, почти не общался. В сумерках он сидел на крыше, созерцая вдали пылающий, словно закат, диск солнца, остатки света, окрашивавшие пустыню слой за слоем, подобно жидкому золоту, безбрежные, поглощавшие его одинокую и худощавую фигуру в длинной реке сияния.

Кто же этот человек? Думал Дань Чао.

Откуда он? Когда уйдёт?

Неужели однажды внезапно исчезнет, как и появился, столь же неожиданно, оставив его навеки в глубинах этой безлюдной, необъятной земли?

Раны на теле Дань Чао наконец понемногу полностью зажили. После сезона ветров струпья на спине и ногах отпали, на смуглой грубой коже остались лишь бесчисленные шрамы, то глубокие, то мелкие, разной формы, безмолвно напоминавшие о бесчисленных днях голода и скитаний за последние несколько лет.

Как-то ночью он проснулся, чтобы справить нужду, возвращаясь, увидел молодого человека, лежащего на боку на спальном месте на полу, меч в его руке почему-то был чуть вытасчен из ножен, лезвие испускало в лунном свете круги холодного бледно-голубого сияния.

Это было сияние, которого маленький Дань Чао никогда в жизни не видел, прекрасное и кристально чистое до крайности, но также леденяще ужасное до крайности, страшнее любого железного оружия, что он мог представить, включая ужасные железные клещи рабовладельца, щипцы для огня и окровавленные железные цепи, пробивавшие ключицы взрослых рабов, вселяя ужас, от которого даже по позвоночнику пробежали колющие мурашки.

Он постоял немного у спального места, не моргая, грудь слегка вздымалась.

Спустя долгое время он не выдержал, медленно присел, протянул руку, желая слегка коснуться того ледяного, чисто-голубого клинка.

В тот самый миг молодой человек, не открывая глаз, схватил его за запястье и, словно молния, резко швырнул его на пол!

— Ай!

Дань Чао, застигнутый врасплох, с силой ударился спиной о землю, затем на него навалилась тяжесть — молодой человек перевернулся и оседлал его, меч с лязгом вышел из ножен и вплотную прижался к его горлу!

Всё произошло в мгновение ока, прежде чем Дань Чао успел опомниться от острой боли, дыхание смерти уже окутало всё его тело.

Это был первый раз в его жизни, когда он так близко столкнулся с реальной смертью.

Достаточно было сместиться на полцуня, и лезвие легко рассекло бы его дыхательное горло, а затем, словно тофу, перерезало всю шею.

Дань Чао дрожал всем телом, будто в сите, он увидел, как молодой человек открыл глаза при лунном свете.

...

Один сверху, другой снизу, они смотрели друг на друга, в темноте было так тихо, что не было слышно даже дыхания.

— В следующий раз не делай так, — наконец произнёс молодой человек, подняв руку и убрав меч в ножны, в голосе ещё слышалась хрипота от недавнего пробуждения.

— Можешь поплатиться жизнью.

*

Маленький Дань Чао наконец решил сбежать. Он знал, что неподалёку наверняка есть деревня, но понимал, что нельзя выбирать холодные ночи в пустыне, лучше всего — после полудня.

Молодой человек подстрелил пустынную лису, выпотрошил её, мясо повесил сушиться за домом, шкуру выделал и отнёс на базар обменять на соль. Он ушёл после полудня, Дань Чао дождался, пока следы копыт у входа сравниет ветер, затем вытащил из-под кана спрятанные им украдкой воду и сухой паёк, за домом отрезал вяленое мясо и положил в узел, поколебавшись, вернул обратно половину.

Он покинул дворик, поднялся на дюну, оглянулся — маленькая глинобитная хижина одиноко стояла среди бескрайних жёлтых песков, словно одинокая лодка, постепенно удаляющаяся в морской дали.

Прощай, подумал он.

Спасибо тебе, незнакомец.

Если у каждого ребёнка в детстве был опыт ухода из дома, то для Дань Чао это был первый в

его жизни долгий путь.

Тот опыт был настолько неизгладимым, что на протяжении последующих нескольких лет глубоко запечатлелся в его памяти, пока не был вытеснен ещё более жестоким и отчаянным побегом.

Грубый песок под палящим солнцем быстро протёр обувь, на ступнях образовались большие волдыри, каждый шаг причинял пронзительную боль. Хотя вода была строго рассчитана, ребёнку, недостаточно знакомому с пустыней, трудно было противостоять скорости сильного испарения пота, истощение и обезвоживание высушили его губы, перед глазами потемнело, сложно было различать направление.

Перед закатом он шёл почти на одной силе воли, пережив самый жаркий и жаждущий период. Вскоре сумерки сгустились, ночь опустилась, пустыню окутала медленно восходящая луна, сильнейший холод забрал последнее тепло из песка.

Маленький Дань Чао остановился.

Кругом простирались бескрайние дюны, куда ни глянь — пустынная земля и небо, повсюду лишь безбрежная серо-белая пустота.

Ветер сгладил его следы, путь назад был гладким, без следов, словно никогда не существовало никаких доказательств его присутствия.

... Губы Дань Чао шевельнулись, словно он хотел прошептать имя того молодого человека, но не издал ни звука.

Его голос уже совсем охрип.

И к тому же он никогда не знал имени того человека.

Дань Чао плюхнулся на песок, открыл бурдюк, допил последний глоток воды, затем бросил бурдюк и лёг на спину на холодный песок.

Осенний Млечный Путь пересекал небосвод, в пустыне он был особенно ярк и красочен, превращаясь в бушующий звёздный прибой. Небо и земля словно первоначальные пелёнки жизни, мягко обволакивали покрытое шрамами тело мальчика, нежно, жестоко и грандиозно, унося последние проблески его сознания в вечную бездну.

Там больше никогда не будет голода.

Не будет долгого страха и безысходного одиночества.

... Доу-Ню, Синьсу-3...

В ту похожую глубокую ночь молодой человек в грубом тканевом плаще смотрел в небо, указывая вдаль на безбрежное звёздное море:

— Тяньшу, Юйхэн, Яогуан...

Маленький Дань Чао внезапно оттолкнулся от песка, с трудом перевернулся на бок.

Он сделал несколько неуверенных шагов, упал, спустя мгновение медленно поднялся, в полубреду глядя в сторону, откуда пришёл.

И в тот самый миг его расплывчатые зрачки резко сузились.

<http://bllate.org/book/15578/1387159>